

БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

По темной степи тянуло дымком. Кашевар стреб кучкой золу – под ней тлели угольки сухого навоза. Тишина была такая, что слышно за версту, как потыр-кивает сверчок; а еще далее, в лощинке, в стороне, где недавно догорела вечерняя заря, – хрипел дергач. Летел бы, дура, к Дону, в плавни, – здесь много не наковыряешь носом. В степи земля теплая, сухая, было бы что подложить под голову, – и так лежат мужики у костра, а кто – под телегой с поднятыми к звездам оглоблями. Звезды просторно раскинулись над степью. Один человек сидит, другие слушают.

– Да, товарищ, пришлось...

– Хлебнул?

– А что же ты думаешь, – конечно, хлебнул горя...

– Расскажи по порядку, дяденька.

– А по порядку рассказать – будет так: в каком это году, забыл я, – в шестнадцатом... Ну, ладно... Вошли мы, русские войска, в Париж. А были мы, солдаты, Езятые для этой экспедиции, как на подбор: рослые, молодые, ужасно все бойкие. Идем по Парижу, колонна за колонной, сорок тысяч человек – это ты шутишь! И поем во всю глотку. По дороге на кораблях спелись: с жизнью прощаться ведь неохота на чужой стороне... Да и бабы на тротуарах – видимо-невидимо – глядят на нас... Хороши... Ах, чистые, хорошие дамочки у них...

– Ну?

– Это кто там сказал "ну", под телегой?

– Будет вам, – слушайте, ребята.

– Да. Идем мы через город Париж и поем песни. Запеваем по очереди, поротно, – в каждой роте запевала и подголосок, мы подхватываем – стекла звенят... Начальство нарочно подбирало голосистых в эту экспедицию, чтобы удивить иностранцев: какой у нас народ веселый, вся армия сытая, мордастая, в бой – так в бой, ей хоть бы что; с песней грудью за отечество. Так и в газетах французы писали: "Русский, мол, солдат умирает с песней на устах..."

– Как это?... (Опять из-под телеги.) Вот ведь, ребята, а?..

Рассказчик покосился под телегу, но разобрать ничего было нельзя – так темно. Месяц еще не всходил над степью.

– Как же им нас не хвалить: нас пригнали помирать за их отечество... Ну, конечно, языка они нашего не понимали, русского, – от этого много зависело... Когда проходили под Триумфальной аркой, дамочки стали бросать в нас цветы – розы. Мы, будто эти розы нам обыкновенное дело, груди выпячиваем, будто такие уродились орлы, да и грянули свою, солдатскую: "Дррррищем дегтем, дррррищем дегтем, табаком..." Так что же вы думаете: у дамочек на глазах – слезы, и руки к нам протягивают... А наши господа офицеры только косоротятся, но ничего не поделаешь: парад...

– Здорово это вы – про табак... Показали...

– Мы бы не то еще показали, не прогони нас прямо на фронт в тот же день... У них народ малорослый. Умом одним берут, образованием. А культура у них высока.

– Высока?

– Немцы еще умственней, а англичане всех покрывают... Я этого не люблю, когда под телегой смеются на то, что я говорю. Недолго и за виски оттуда вытащить. Я этого не люблю, когда над культурой смеются. Вы что же думаете – у нас степь велика, так нас нипочем и не возьмешь? Нет, мы пробовали шапками закидывать. Не те времена. Кинули нас на фронт, через две недели – бой. Офицеры – в новых лаковых сапогах, начисто выбриты, чистые, и нам – по чарке коньяку и папирос. В зубы, конечно, никто не бьет, но командиры говорят серьезно: "Ребята, не посраим русского оружия, отступить невозможно, потому что, между прочим, на задних позициях – французы с пулеметами..."

– Это французы, свои же, по своим?

– А ты как думал?... Нас для случки, что ли, туда привезли?... Ну, хорошо. Мы в то время о культуре еще пичего не знали. Приказ: наступление. Значит – музыканты вперед, и мы – урррра, и вся недолга, грудью в штыки... А нас – и бомбометами, и огнеметами, и пулеметами, и газом, и вонью, и с аэропланов сверху, и с танков в лоб... А сзади – французы: вали! вали! Вот